

988 год. Князь Владимир готовится к великому крещению Киевской Руси. Опасаясь бунта, он запирает в подземельях волхвов, язычников, настраивающих народ против христианской веры. Теперь никто не помешает крещению. Но в день обряда, в священный момент вхождения в реку, гибнет купец Дольма. Веселье и восторг едва не оборачиваются ужасом и паникой. Добрыне и его ближникам удается успокоить народ и продолжить крещение. Разъяренный Владимир приказывает отыскать убийцу христианина Дольмы. Это под силу лишь одному человеку в Киеве — волхву Озару. Но какое дело закоренелому язычнику до смерти купца, отрекшегося от веры предков? Он хочет узнать правду, от которой померкнут даже лики святых...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8322-0

Симона
Вилар

В ТОТ ДЕНЬ...

Симона
Вилар

В ТОТ ДЕНЬ...

Симона Вилар

Симона Вилар

В ТОТ ДЕНЬ...

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

- © Гавриленко Н. Г., 2020
- © DepositPhotos.com / milagli, kakofonia, alexsol, aspendendron, ggaallaa, ValeryBocman, dominojazz@mail.ru, edb3_16, Virus961, kefirm, Prokrida, Violin, обложка, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

ISBN 978-617-12-8322-0

ПРОЛОГ

КИЕВ-ГРАД, ЛЕТО 988 ГОДА

Бледная половинчатая луна отражалась в широких водах Днепра-Славутича. Легкие облачка порой закрывали ее, а затем, когда они уходили, мерцающий свет вновь лился на реку, на киевские склоны, на городские постройки, где еще кое-где мигали огоньки. Бревенчатые городни¹ на киевских возвышенностях казались призрачными и огромными, а на тесно застроенном ремесленном Подоле² светло было только на широкой площади Житного рынка. И можно было разглядеть силуэты людей, столпившихся возле древней церкви Святого Ильи. Исстари стояла она на Подоле, еще при Игоре Старом возвели ее, чтобы иноземцы-христиане могли тут возносить свои моления по приезду во град на Днепре. А вот разрослась и украсилась Ильинская церковь уже при княгине Ольге, которая покровительствовала верующим во Христа и сама стала христианкой. Позже, при ее сыне-воителе Святославе, церковь велено было снести: как отпели Ольгу, так и разобрали церковное строение. А вот когда уже сын его Ярополк вокняжился, снова поднялась Ильинская церковь. Ибо, как поговаривали, князь Ярополк тоже склонялся к христианству. Да только сам он сюда, по сути, не хаживал.

¹ Городни — бревенчатые городские укрепления, срубы, зачастую заполненные изнутри камнями и землей для большей прочности. *(Здесь и далее примеч. автора.)*

² Подол — низменная часть Киева, ремесленный и купеческий посад под киевскими возвышенностями.

Умалчивал, во что верил. Ярополк вообще был скрытным и замкнутым. Потому не любили его в Киеве-граде. И как погиб он в противостоянии с братом Владимиром, так и мало кто о нем горевал-печалился.

А вот при Владимире жить стало весело. Умел новый князь люд потешить, повеселить, умел навести порядок. Как и умел устроить славные пиры-братчины, на которых пировал с верной дружиной, и всякого мог принять, выслушать, а то и помочь, если считал, что надо было. Вот и полюбили князя Владимира в Киеве, называли его ласково — Красно Солнышко. Пели о нем песни, славили его за удачные походы, за умение ладить с народом.

Ильинскую церковь на Подоле Владимир не тронул. Не обижал он и христиан — как заезжих, так и тех местных, кто решил уверовать в Иисуса Христа. Он вообще подумывал сам принять веру не здешнюю, а такую, какие по миру разрастались и славу свою ширили. А ведь как только вокняжился Владимир в Киеве, то изначально о таком не думал, старался блюсти обычаи. Потому приказал соорудить в Киеве стольном большое капище на Горе¹. Перуна Громовержца там установили, посеребрив его голову и позолотив усы, еще Хороса солнечного, Даждбога плодородного, Стрибога ветряного и Семаргла, что растения охраняет, а еще Макоши изваяние поставили, покровительницы судьбы, помощницы в хозяйских делах. Люди сперва валом валили на капище, но потом перестали. А чего им к главному капищу толпой идти, если требы там такие брали, что и без последней шапки останешься. Куда лучше пойти по малым капищам — там с тебя три шкуры не сдерут, можно обычной курицей отделаться или шкуркой беличьей.

¹ Гора — располагавшийся на возвышенностях район Киева, где находились терема князя и знати.

Волхвы с малых капищ неприхотливы были, не то что на Горе. Правда, люди поговаривали, что толку все равно от них мало. Молишь богов о помощи, молишь, и волхвы, приняв подношения, важно обещают помощь от небожителей, а на деле то град побьет посевы, то мор случится в киевских предместьях, селища окрестные даже затронет. А богам хоть бы что.

Но весть, что их князь подумывает о новой вере, будоражила людей. Сказывали, что, мол, магометане к нему являлись и князь к ним прислушивался. Ходили также слухи, будто то иудеи его соблазняли своей верой, то христиане западные, то христиане ромейские¹. С ромеями оно больше всего понятно было. Ведь не единожды к ним в державу плавали русские купцы, а потом рассказывали, как живут в Византии той. Да и не забылось еще, что Ольга прославленная тоже к византийской вере склонялась. Так что, когда Владимир, вернувшись из похода на ромеев в Таврии², вдруг объявил, что стал христианином, многие восприняли эту весть спокойно.

Другое дело, что люд поразился, когда князь их пресветлый повелел порушить капище, им же некогда возведенное, да покидать идолов в Днепр. Это многих напугало. Страшно жить без покровительства небожителей, страшно, когда привычных богов так оскорбляют. Того же Перуна, ранее почитаемого, катили по Боричеву увозу³, как какое-то полено ненужное, да еще били железными прутами, словно показывая, что ничего он в отместку сделать не может, что деревяшка он обыкновенная.

¹ Ромейские, т. е. византийские. Жители Византии считали себя потомками римлян, поэтому, несмотря на пестрый этнический состав населения империи, сами называли себя ромеями — римлянами.

² Таврия — древнее название Крыма.

³ Боричев увоз — подъем на Гору Киева. Сейчас улица Андреевский спуск.

А как скинули идола с берега в реку и понесло его по волнам, то многие стали рыдать, шли следом и молили божество выплыть. Деревянный Перун и выплыл у дальних склонов, но и там его догнали дружинники князя, изрубили на куски и остатки снова в воду скинули. В Киеве еще рассказывали, что у дружины тогда стычка с волхвами вышла. Волхвы защищали свое божество деревянное, кидались на дружинников, но те здорово их плетками отстегали, говорят, что и до булавы дело дошло. А там скрутили волхвов, потащили неведомо куда.

Люди же, оставшись без небесных покровителей, с перепугу потянулись в Ильинскую церковь — она все же привычна. Да и многие уже отметили, что посещавшие ее христиане удачливыми и небедными сльвут, все больше среди них купцы да княжеские дружинники. Может, это христианский Бог им помогает? И все же открыто ходить в храм на Подоле простой люд еще не решался, а больше к поздней ночной службе подтягивался. Все в Ильинскую церковь поместиться не могли, вот и стояли неподалеку, слушали, как ладно поют внутри, под тесовой высокой кровелькой с крестом на шесте, какие звуки службы доносятся из-за ее побеленных стен. По старинке в это время Дажьбога плодородного отмечали, но как отмечать¹, если его изваяние повалили и порубили? А новый Бог... Кто знает, может, он и ласковым окажется. Вон какое жито нынче уродилось, хлеба стоят высокие, ветви в садах от плодов гнутся, огороды щедро выросли. Лепо как!

Ну, во что бы люди в Киеве ни верили, а старые обычаи так легко не отмирают. И когда часть градцев пошла к церкви Святого Ильи на Подоле, нашлись и такие, кто отправился за срубные укрепления, чтобы поучаствовать

¹ День божества плодородия Дажьбога отмечали в конце июля.

в старинном обряде, чувствуя Дажьбога плодородного. Жатва уже началась, так почему же и не выполнить давний проверенный обряд, как исстари делали?

Вот и повели собравшиеся коло вокруг разукрашенного венками большого снопа.

— Ай, Дажьбог славный! Ай, Дажьбог милостивый! — выкрикивали. — Слава тебе, слава и почет с сего дня и во веки веков!

Песнопения божеству плодородия ранее были более слаженные и долгие, но сейчас собравшиеся будто то-ропились отгулять. Как правильно творить заклинания и заговоры, многие не знали, а волхвов, служителей Дажьбога, нынче где-то под стражей содержали. Вот люди сами и старались справиться, как получится. Установили сноп на закате, украсили лентами, теперь пировать стали. Расстелили скатерти, выложили на них вареные яйца и мед в сотах, жареных птиц и пучки зелени. Только хлеба не было. Жито еще предстояло скосить, поэтому никто не решался старыми дарами внимание плодородного бога отвлекать от только предстоящих хлебных яств.

В основном в поля пришли старики, больше иных преданные старым верованиям. Хотя и из молодежи кое-кто явился. Последних сюда привлек древний обычай, по которому полагалось сойтись страстно и полюбоваться возле пашен, чтобы Дажьбог прибавил плодородную силу, да и просто побаловаться тоже хотелось. Это не как на Купалу, когда всяк всяка любить может и выбирает себе пару, — тут порой и не ведаешь, кого в полюбовники возьмешь. Ибо по старинке в этот праздник женщины прятали лица под венками и берестяными личинами, в которых оставляли только прорези для рта, носа и глаз. Дажьбог — божество мужчин-пахарей, женщины в это время лишь помощницы при них. Вот они и скрывали

свой облик, но не скрывали голых ног, задирали подола рубах, приманивая тех, кто глянулся, на край поля за высокую пшеницу. То там, то тут любились парочки... Не так их много нынче, вздыхали старики, оставшиеся у разложенного на скатерти угощения, раньше вся земля была под телами полюбовников. И все же старый обряд и ныне не позабыли. Вон даже кое-кто из дружинников самого князя после заката решил поискать любовных утех. И пусть они, почитай, все были крещеные, но кровь-то молодецкая играет.

Явился на праздник и младший брат богатого купца Дольмы, известного в Киеве христианина. Правда, нынче раскрасавчик Радко выглядел невеселым, сидел с опущенной головой, кудрявой и темноволосой, занавесив чубом глаза. От льнувших к нему баб в берестяных масках-личинах отмахивался. Думал о чем-то своем.

И все же одна из соблазнительниц приманила его. Стараясь держаться неподалеку, она то камешком кидала в Радко, то смеялась игривым русалочьим смехом. Потом и вовсе задрала подол выше пупа, оголив длинные ноги, пушок меж ними, гладкий белый живот. Вот Радко и не удержался, пошел за ней.

Сошлись они быстро и страстно. Женщина в маске, казалось, торопилась, не хотела ласк, а желала поскорее заполучить всего парня. Молчалива была, только дышала бурно. А когда Радко застонал сладострастно и затих успокоенно, она тут же выбралась из-под него и поспешила прочь. Радко привстал, переводя дыхание, смотрел, как ее светлый силуэт в длинной беленой рубахе растворяется во мраке. Полюбовница почти бежала, неслась туда, где за легкими рощами угадывались срубные башни Копырева конца¹. Радко и забыл бы

¹ Копырев конец — западное предместье древнего Киева.

о ней вскоре, однако, когда из зарослей рощи у истоков ручья Кудрявца раздалось нетерпеливое лошадиное ржание, все же пригляделся. А затем услышал топот копыт. В потемках особо и не рассмотришь, но конь под ней явно не из последних, вон какой большой, быстрый, да и всадница на нем хорошо держится. Теперь она была в темной накидке и направлялась в сторону киевских городен.

Тут опять луна выплыла, осветила окрестности, и можно было заметить, что задние ноги скакуна были белые почти до колен.

— Вот это да! — почти выдохнул Радко. И повторил, подскочив: — Вот это да!

А потом зашелся громким торжествующим смехом.

Ясный месяц постепенно вышел из-за тучи. А как появился он полностью, то осветил площадку близ церкви Святого Ильи на Подоле. Служба в храме уже подходила к завершению, стали выходить прихожане. Один из них, высокий статный муж, обернулся к входной арке и широко перекрестился, поклонившись. Потом надел на голову опущенную мехом шапочку, шагнул в толпу. И тут же окликнул двоих:

— Эй, вы чего тут околачиваетесь? Или тоже уверовали?

Те приблизились. Один — крепкий молодец с пышными усами и растрепанной гривой волос, второй — худощавый плешивый мужичок с вызывающе торчащей вперед бороденкой.

— Так любопытно же нам, — молвил плешивый, разводя руками. — Всем интересно, вот и мы тоже решили...

— Решили они. Гм. Хотя... Может, и правильно, что пришли.

— Конечно, правильно, сударь наш Дольма досточтимый, — низким рокочущим басом подтвердил усатый богатырь. — И песнопения христианские нам любо послушать, да и вас проводим до дому. А то как нападет еще... кто. Народу нынче в Киев понаехало — как осы на мед слетелись. Мы же вас оградим, подсобим, чтоб не обидел никто. Ночка вон нынче какая темная, а мы... Уж мы-то!..

— Это меня-то кто-нибудь обидит? — хмыкнул названный Дольмой. — А это ты видел?

И, откинув полу легкого корзно¹, показал рукоять меча. При этом добавил:

— Глуп ты, Бивой, как горшок необожженный. Чтобы я за себя не постоял? Ну да ладно. Раз явились, составьте мне свиту. — И к плешивому обратился: — А вот ты, Жуяга, зря брата моего Вышебора оставил. Тебе подле него службу нести сегодня. Ну а как понадобится ему что? А тебя нет.

Названный Жуягой плешивый засопел, перебирая концы кушака.

— Не хватится. Он же прошлую ночь развлекался, тешил себя, а сегодня целый день раны старые его мучили. Потому заботливая Яра и подлила ему макового отвара в пиво. Так что спит нынче наш господин Вышебор, как медведь в зимнюю пору. Его и ударами била теперь не разбудишь.

Сказанное не понравилось Дольме. Остановился, стоял смурый, вздыхал тяжело, словно бремя какое нес. А то вдруг обозлился, заворчал, что больно много воли ключница его Яра взяла, раз чуть что поит его хворого брата настояями. И заторопился. Да только не больно торопить-

¹ Корзно — мантия князей и знати Киевской Руси, которая накидывалась на кафтан и застегивалась на правом плече; плащ с меховой опушкой.

ся у них получалось. Маленький Жуяга постоянно отставал. То оплетка у него на ноге развязалась и он просил обождать, пока перемотает, то засмотрелся на резное украшение чьих-то ворот и другим указывал, а в тени под горой Хоревицей¹ вообще оступился и свалился в речку Глубочицу². Пришлось вытаскивать нерадивого. Долго провозились. Дольма хоть и посмеялся над своим челядинцем, но в то же время стал ворчать, что, дескать, так они до рассвета провозятся, а им еще предстоит подъем осилить на гору, на которой его дворище находилось. Вроде и не так уж трудно это, однако и не сказать, что легко. Надо было миновать заросли под горой, потом крутой подъем. На коне было бы легче. И только Дольма помянул про коня, так сразу и услышал, как за спиной быстро проскакал верхом кто-то из спешивших на Хоревицу. Во тьме не разглядеть. А тут еще Жуяга, которого только что вытянули из воды, опять рухнул в речку. Пришлось вновь вытаскивать.

Купца Дольму это уже не веселило. Схватил Жуягу за шиворот, тряхнул, подзатыльник отвесил. И голос у самого суровый:

— Не нарочно ли ты уже дважды искупался в Глубочице, песья твоя кровь? Гляди, еще раз свалишься, я не то что тебя вытаскивать не стану, а сам потоплю, чтобы не морочил нам с Бивоем голову.

Здоровенный Бивой даже хохотнул.

— Вы только прикажите, хозяин, я сам этого плута на корм русалкам отправлю.

Дольма уже шагнул в тень зарослей под Хоревицей, но тут оглянулся.

¹ Хоревица — предполагаемое древнее название нынешней Замковой горы.

² Глубочица — некогда протекавшая по Подолу река, нынче взятая в коллектор под землей.

— Не болтай глупости, Бивой. Русалки — это всего лишь выдумки невежд. Чтобы больше от тебя подобного не слышал. А теперь идемте, сказал!

Ночь уже вступала в свою вторую половину. Душно было. Даже там, где у причалов в гавани Притыке¹ покачивались струги со спущенными парусами, овеваемые легким ветром с Днепра, дыхание ночи не освежало. Корабли чуть поскрипывали снастями, почти соприкасаясь бортами; хлюпала вода, на носу одной из ладей горел фонарь и был виден силуэт заснувшего стражника. А у оснований мачт то там, то тут виднелись пестрые палатки, в которых почивали те из ромейских гостей, которые предпочли не селиться в княжеских хоромах или кому просто не хватило места.

Один из них, позевывая, вышел из палатки, посмотрел по сторонам. Выплывшая луна осветила его длинное темное одеяние, пышную бороду, под которой блеснул металлический крестик. Священник из тех, кто прибыл на Русь, дабы обучать новой вере местных жителей.

Сейчас он стоял, закинув голову, любовался лунными бликами на воде, прислушивался к отдаленным голосам сторожей-обходников дворов Подола, перекликавшихся между собой. Потом широко перекрестился и стал шептать молитву. Но не успел закончить, дернулся, вскинул руки и стал оседать, пока не рухнул на палубу. Из его груди торчала длинная оперенная стрела.

В предрассветный час стало совсем тихо. Даже собаки, что порой побрехивали по дворам, и те угомонились.

¹ Гавань Притыка — место стоянки кораблей в правом притоке Днепра — реке Почайне. Почайна впадала в Днепр в районе современной Почтовой площади, и именно здесь швартовались пришедшие по Днепру ладьи.

Тучи разошлись, луна скатилась за киевские возвышенности, лишь сверчки стрекотали во влажных от росы зарослях на склонах. Именно в это время по спуску с горы Хоревицы осторожно сошел закутанный в широкую накидку человек. Островерхий башлык его был надвинут на самый кончик носа, скрывая лицо, а через плечо был перекинут тяжелый мешок.

Шел человек осторожно, озирался при спуске, а когда спустился на низинный Подол, каждый раз выглядывал из-за частоколов дворов киевских ремесленников, прежде чем шагнуть дальше. Так, украдкой, он миновал изгороди и заборы, вышел к самому Днепру и, скинув свою ношу, начал спешно отвязывать одну из привязанных к колышкам лодок. Замирал порой, опять оглядывался и почти приник к земле, когда показалось, что сторожа направляются в его сторону. Но те прошли мимо, и таинственный путник втянул в лодку свою ношу. При этом мешок чуть шевельнулся, послышался глухой, полный муки стон. И тут же в руке мужчины появился длинный нож, он ударил им по мешку раз, еще раз. Звук был глухой, чуть хлюпающий. В следующий миг лодка отчалила, быстро пошла по водам Днепра к виднеющимся вдаль островам, заросшим кудрявым кустарником. И там, уже на середине реки, мужчина скинул мешок в воду. Тот потонул мгновенно. Все, теперь убийца уже не переживал, перевел дыхание, забормотал что-то глухо. И поплыл назад, неспешно, как человек, выполнивший свою работу.

ГЛАВА 1

Ювелиры из Константинополя недаром считались лучшими в мире мастерами своего дела. Умели делать украшения в Византии! И эта диадема с шлифованными рубинами и изумрудами, блестящей эмалью по золоту и скатным жемчугом, свисающим подвесками... Да и само золото ажурной работы. Красота! А если подобное диво венчает темноволосую головку молодой женщины, то вообще глаз не отвести!

Вот князь Владимир и не мог насмотреться на свою красавицу-жену Анну, царевну византийскую. Она сидела перед зеркалом из полированного серебра, вдевала в ушки ажурные мерцающие серьги, но заметила в отражении замершего у арки входа Владимира и вспыхнула; опустила длинные ресницы. В уголках ее маленького сочного рта появились милые ямочки — Анна старалась удержать улыбку, довольная тем, как восхищенно смотрит на нее супруг, но и растеряна была. Не привыкла еще, что муж входит к ней запросто, без положенного церемониала — взял и вошел.

Но если царевна смолчала, то ее женщины сразу всполошились. Заметались, заахали, старшая зоста¹ даже попыталась преградить Владимиру путь к Анне.

— Не время, не время, архонт²! — замахала она руками на князя. — Порфирогенита³ еще не готова к выходу.

¹ Зоста — придворное женское звание.

² Архонт — по-гречески правитель земель.

³ Порфирогенита — рожденная (или рожденный, если речь о мальчике) в специальном Порфирном зале в Константинополе. Считались наиболее законными и имеющими власть в Византии, пользовались наибольшим почетом.

Что ж, эта тучная величественная женщина уже весьма неплохо изъяснялась на местном наречии, но то, что она говорила, совсем не понравилось князю. Когда же эти прибывшие с Анной служители поймут, что он тут главный?

Когда уразумеют, что их порфирогенита тут прежде всего его супруга?

— Я буду ждать жену в гриднице, — только и сказал князь Владимир, выходя.

Сам же подумал: пора уже услать добрую половину этих квочек обратно в Царьград¹, нечего им тут командовать да лезть в его семейные дела с Анной.

А спустившись в обширную гридницу² княжеского терема, увидел и прибывших с Анной из Византии ее спутников-ромеев — все нарядные, в длиннополых одеждах, в складчатых хламидах, сколотых на плечах. Они почтительно склонились перед правителем Руси, но потом, выпрямившись, смотрели точно с вызовом. На своих базилевсов³ эти придворные прихлебатели так бы не пялились. Но тут, на Руси, они считали себя лучшими людьми, вот и возомнили, что смогут влиять на князя Владимира. И опять подумалось князю: услать их всех надо побыстрее к лешему... вернее, к их базилевсу, который был для Владимира так же незнаком и непонятен, как леший из глухих чащ. Пусть он и считался крестным отцом русского князя, пусть при крещении Владимир получил имя своего крестного императора — Василий.

Князь давно подумывал о крещении, но окончательно принял веру, когда захватил в Таврии ромейский город

¹ Царьград — так на Руси называли столицу Византии Константинополь. Нынче город Стамбул в Турции.

² Гридница — обширное, парадное помещение в хороммах.

³ Базилевсы — так называли императоров Византии.

Корсунь¹ и посватал сестру византийских правителей Василия и Константина². Такого никогда еще не бывало, чтобы рожденная в пурпуре царевна становилась женой иноземца, — законы ромейские подобного не позволяли. Однако Владимир настоял — и у него вышло. Так отчего же эти надменные ромеи смотрят на него как на варвара, которому стыдно поклоняться?

Владимир шел прямо на них, видел, как они косятся на его пурпурные сапоги, будто князь Руси не должен был рядиться в царственный пурпур. А вот и должен! Он теперь родня базилевсов и имеет право на царственное облачение, как и может наряжаться в длинные одеяния золотой парчи, к которым уже начал привыкать и которые особо ценил, когда следовало подчеркнуть свое высокое положение. Да и Анне так больше нравится.

При мысли об Анне настроение сразу стало лучше, спина выпрямилась. Владимир гордо прошел мимо расступившихся ромеев, как ладья сквозь болотную ряску, направился к своим верным боярам. А те тоже вырядились по ромейской моде — все парча да бархат, шелковые накидки, пояса, украшенные самоцветами. Правда, шапки, опушенные мехом, носили по местному обычаю. А почему нет? Меха — самая большая ценность Руси. Торги пушниной немало богатства в казну княжескую добавили, ведь известно, что на рынках Царьграда за них отменную цену дают. Правда, жарковато

¹ Корсунь — город в Крыму (Херсонес — ныне в районе Севастополя). В описываемое время принадлежал Византийской империи, но был захвачен войском князя Руси Владимиром Святославичем. Возвращен империи после договора, по которому Владимиру отдали в жены царевну Анну.

² Василий II Болгаробойца (958—1025), Константин VIII (960—1028). Последние правители Македонской династии, к которой принадлежала и жена князя Владимира Анна.

сегодня для мехов-то. Ну да ничего, пар костей не ломит. А на парчовых шапках соболя и куньи меха только богаче смотрятся.

Впрочем, Добрыня, дядька князя, все еще ходил в льняной одежде местного кроя, разве что плащ пестрый на плечо накинул. Но зато в такой одежке ему не так жарко по липневому¹ пеклу. А свои длинные, с легкой проседью волосы Добрыня просто стянул в конский хвост. И все равно величавостью своей худощавый, жилистый дядька князя не уступит иным собравшимся. Вон как почтительно с ним держатся нарочитые люди² князя — и боярин Волчий Хвост, и воевода Блуд, и витязи Светлоок и Ясень, и даже обряженный в византийскую парчу известный купец Дольма.

Владимир приблизился к Добрыне, улыбнулся приветливо.

— Где наш поп Анастас? Готов ли провести службу?

— Уже дожидается, государь. Чтобы наш Анастас да не справился!

И глаза у самого заблестели задорно.

Глаза у них с Владимиром были похожи, темно-карие, а вот в остальном дядя и племянник имели мало сходства: Добрыня был смуглый, темноволосый, а Владимир и впрямь Красно Солнышко — светлый ликом, русые волосы выгорели до пшеничного оттенка, только борода, небольшая, холеная, немного темнее. Встретив уже тридцатую весну, Владимир был дивно хорош собой — статный, широкоплечий, рослый, его воинскую выправку не мог скрыть даже блистающий парчовыми узорами дивитисий³ ромейский. И улыбка у него была хорошая — ясная, белозубая, светлая. Сколько женских

¹ Липень — июль.

² Нарочитые — знатные, уважаемые люди.

³ Дивитисий — длинная шелковая туника.

сердец взял князь в полон своей чарующей улыбкой! Но сейчас в ней чувствовалась и некая насмешка. Он ждал, как отреагируют все эти прибывшие с Анной из Византии ромеи на то, что князь Руси сам выберет себе служителя их Бога. Хотя... теперь это Бог и самого Владимира, и его ближайшего окружения, его дружины, его сыновей. А патрикиям¹ и служителям церкви, присланным от базилиевсов, все кажется мало. Они прибыли, чтобы проследить и позже доложить в Царьграде, что возлюбленная сестра императоров попала в по-настоящему христианскую страну. Как и нужно убедиться, что Русь считается с требованиями Царьграда.

Последнее особо напрягало Владимира. Ему было хорошо оттого, что он наконец определился с верой. Он постигал ее тонкости, начал принимать ее душой... а тут эти дела политические. Политика. Ишь какое слово придумали греки, чтобы объяснять свое давление на князя. Думают, что раз отдали ему порфирогениту по требованию, то теперь пришел их черед проявлять волю и ставить условия. И так наседают, словно имеют право увезти назад царевну, если варвар Владимир их не слушает. Ну да жменю ветра они получают в ладонь, а не Анну! Да и сама царевна уже не пожелает вернуться... Так хотелось верить князю, учитывая, какие отношения сложились у него с его венчанной у алтаря женой.

А ведь и ранее у него были жены — четыре водимых² супруги имел Владимир, когда поклонялся старой вере. И это не считая полюбовниц без числа, каких собирал отовсюду, где какая на очи ему попадет. Целый терем заселил князь любушками своими в загородном имении Берестове, да только все это до Анны было. Теперь же,

¹ Патрикии — придворные в Византии.

² Водимая жена — во времена многоженства та, что считалась законной.

как и положено у христиан, одна у него жена, одна царица... раз уж титул княгини она ниже своего достоинства считает. Ну и пусть ее так кличут. Ей — утеха, Владимиру — слава.

Анна наконец появилась на высокой лесенке. Сходила, будто плыла. Покачивались длинные подвески, блистал камнями лор¹, диадема вон та же цареградская. Ей поклоны все отвешивали, а она и не глянет, идет, горделиво вскинув голову на длинной, как стебель цветка, шее.

Владимир шагнул к своей царице. И подумалось: ранее, когда жил тут куда проще, он мог бы запросто обнять свою жену за плечи, шагнуть с ней вместе под расписную арку выхода навстречу лучам солнца... как и ныне выходил бы какой-нибудь счастливый купец со своей ладой милой, как он сам некогда выходил с другими любушками... с Рогнедой.

Но о бывших думать сейчас не стоило. Особенно о Рогнеде. Да и не должен он, носящий пурпур, уподобляться простым смертным. Он выше. И сам это понимал, и Анна так поясняла. Владимир соглашался с ней. Теперь его удел будет особым. Поэтому лишь протянул царице руку, посмотрел, как маленькая, мерцающая камнями перстней ручка легко легла на его сильное запястье.

Княжий дворец был из камня, еще бабкой Владимира княгиней Ольгой возведенный на Горе киевской. Арка выхода на крыльцо, красиво расписанная узорами, как исстари любили на Руси терема украшать, притягивала взор, но была довольно низкой — уж как построили. А как выйдешь — солнце так и освещает, бьет в глаза. А если прищуриться, то первое, что видно, — это расставленные

¹ Лор — деталь византийского парадного облачения, напоминает украшенный драгоценными камнями шарф, обвивавший плечи и стан.

по двору бронзовые изваяния, какие Владимир привез из завоеванного им Корсуня. Больше всего ему нравилась квадрига летящих коней в бронзе. Скакуны как живые получились, только Владимир все еще не решил, тут ли оставить или водрузить на какое иное место. Но не сейчас же думать об этом!

Вслед за Владимиром и его царицей выстраивалось шествие, тиуны¹ учтиво указывали нарочитому люду, кому где стать в процессии, но приближенные и так уже знали каждый свое место, не толкались, как ранее бывало. Впереди же шли ромейские священники с блистающими на солнце крестами, хоругвями, кадилами, окуривая путь венценосной четы ароматом ладана. Сладко пел хор, сперва юные мальчишеские голоса, потом солидно подпевали дьяконы. Пышной процессией вышли они из ворот княжеского подворья, двинулись по мощенному плахами проходу между дворами туда, где на широком месте на возвышенности должна была проходить церковная служба. Народу вокруг собиралось немало, и хотя киевляне уже стали привыкать к пышным выходам князя и его свиты, присутствовать при молебнах Владимира им нравилось. Празднично, красиво, нарядно. Всем любо было поглядеть, как это оно, новую веру вводить.

В сей день служба должна была пройти на месте бывшего капища старых богов. Сейчас там возвышался высокий деревянный крест. Светлое выструганное дерево в лучах солнца казалось золотистым, верующие христиане украсили его свежими цветами. Владимир сказал всем, что здесь будет церковь во славу святого Василия, именем которого он был окрещен. Неподалеку уже лежали штабеля досок и каменные блоки для постройки.

¹ Тиуны — управляющие.

Но пока построят, можно и под синим небом провести службу во славу истинного Бога, перед высоким деревянным крестом.

Владимир сам не очень понимал, что чувствует, глядя на крест. Но что трепет в душе был куда сильнее, чем когда на идолов поглядывал, — несомненно. Хотелось разобраться в этом чувстве, понять, что так волнует душу. Но отвлекало мирское. Как отнесутся все эти ромеи заносчивые, когда увидят, что службу проведет не их епископ Иаков, а назначенный для этого Владимиром Анастас Корсунянин. Тот, кто еще в завоеванном Корсуне объяснял Владимиру все, что касалось новой веры, поучал, давал советы, исповедовал. И Владимир хотел, чтобы главой его церкви в Киеве стал выбранный им священнослужитель.

Анастас вышел вперед, худощавый, темноглазый, в белой камилавке и темном длинном облачении, на котором сиял серебряный крест на цепи. Он поклонился и начал вести службу, не обращая внимания на легкий ропот стоявших за князем византийцев. Зычно звучал его голос, пел хор, в воздухеплыли завитки ладана. Анастас подготовился отменно, к служению не придерешься. И ромеи постепенно умолкли, склонили головы. Даже Анна подле Владимира заулыбалась. Сказала мужу, чтобы он понял ее по-русски:

— Лепо. Ох, лепо мне.

Что ж, если сама царица довольна, то и другие ромеи не будут пенять.

Однако те все-таки пеняли. Уже после службы и последовавшего за ней пира, когда кажется, что на сытое брюхо и ворчать не будешь, эти все же разошлись.

— Кто таков этот Анастас? Отчего его возвысил, отринув тех пресвитеров, каких отобрали для служения в самом богохранимом Константинополе?

— Такова моя воля, — мягко, но решительно ответил Владимир.

— Чтобы проводить службу для царицы, кого попало выбирать нельзя.

Анна сидела в позолоченном кресле подле супруга, прямая, внешне вполне спокойная, но Владимир слышал ее учащенное дыхание.

Князь чуть склонился к ней:

— А ну скажи, чтобы твои угомонились. Иначе со мной разговор короток: посажу под белы руки на челны — и пусть отправляются восвояси.

Сказал это, обращаясь к жене, но так, чтобы слышали все.

Вперед вышел состоявший в свите Анны евнух Евстахий.

— Сиятельный архонт, мы не можем покинуть Киев и Русь, пока не убедимся, что оставляем порфирогениту в христианской стране. Можешь погубить нас всех, ты тут властелин, однако мы не сядем на корабли, пока не удостоверимся, что тобою были выполнены обещания и привнесен свет истинной веры в эту страну.

Владимир бросил колючий взгляд на евнуха. Ишь ты, рожа оплывшая. Евнух. Гм. Владимиру уже рассказали, что с такими еще в детстве сотворяют, евнух и не мужик после этого вообще. Да и голос у него, как у бабы иной, — тонкий, противный. Но знает ведь, убогий, чем подколоть. Не может Владимир выгнать их в три шеи, не порушив тем самым недавно налаженные отношения с Византией и новоявленной цареградской родней.

Князь опустил глаза, вздохнул несколько раз глубоко, успокаиваясь, и заговорил миролюбиво:

— Что вас не устраивает, ромей достославные? Разве мало сделано для того, чтобы вы видели, как держава моя принимает христианство? Я сам крестился, дружинники мои веру Христову приняли еще в Корсуне. Вы все тому

свидетели. А здесь, в Киеве, разве мало моих бояр вы видели на службе во славу Всевышнего? Всегда так начинается: сперва лучшие люди принимают веру, а затем, глядя на них, уже и народ подражать начинает. Жен у меня было много, в том признаюсь, но, обвенчавшись с Анной-красой, я от связей с ними отказался: кого отпустил восвояси, но большинство выдал замуж за хороших людей, за христиан. Так и говорил: которая крестится, той приданое дам немалое. Так что теперь я следую обычаю иметь только одну жену, и бояре мои это же приняли, выслав любовниц и меншиц¹, оставшись только с венчанными супругами. Неужто этого мало? И не вы ли присутствовали, когда я окрестил всех своих сыновей у ручья в долине², сделав христианами своих наследников и явив тем пример своим людям?

— Ты говоришь только о знати, архонт, — подал голос епископ Иаков, обиженный, что Владимир не желает назначить его митрополитом в Киеве, а явно готовит это место для Анастаса Корсунянина. — Знать — это лишь малая часть людей в державе. Мы же ждем, когда народ свой начнешь крестить.

Этот епископ, сам родом из Корсуня, хорошо говорил на языке Руси. Да и люди в его свите тоже знали местное наречие. Вот они и сообщали Иакову, какие настроения в Киеве по поводу смены религии. Он знал, что многие из русичей по-прежнему чтут старые божества, а также имеют у себя в домах их маленькие изваяния, коим поклоняются, и даже отмечают старые языческие действия с воспеванием местных бесов. А потому сказал, что еще прошлой ночью на поле за городскими укреплениями творилось невесть что.

¹ Меншица — в период многоженства на Руси младшая жена.

² Есть версия, что Владимир окрестил своих сыновей у ручья, который с тех пор стал носить название Крешатик.

«Наверняка на гуляния Дажьбога какие-то глупцы собрались», — отметил про себя Владимир. Он слушал спокойную речь преподобного Иакова, велеречивую, но снисходительную, и чувствовал, как в душе его закипает гнев. Но когда заговорил, то едва не улыбался — научился князь у ромеев их почти душевной манере высказываться.

— Владыко, мне рассказывали, что христианская вера не сразу и в Константинополе прижилась. Отчего же вы требуете, чтобы я совершил чародейство и в единый миг сделал всех своих подданных верными непривычной им новой религии? Вон тот же Анастас Корсунянин говорил, чтобы мы милосердно вводили новые христианские законы, общались с киевлянами мирно, постепенно прельщая их истинной верой. Он сам так поступает, и у него получается, клянусь в том крестом, в который верю!

Но тут внуч Евстахий сообщил новость, к какой Владимир не был готов. Оказывается, прошлой ночью убили до этого мирно проповедовавшего в Киеве священника отца Нифонта. Он был найден пронзенным стрелой в ладье, на которой ночевал.

Рядом с Владимиром тихо ахнула Анна. Сам он задышал бурно и тяжело. Он знал этого священника — заросший бородой, коренастый и приветливый, Нифонт ходил по Киеву без опаски. И киевлянам он вроде нравился.

— Я прикажу вызнать, кто совершил подобное, — произнес глухо Владимир. — И накажу за это злодеяние.

— Ой ли? — всплеснул пухлыми ручками внуч. — Мне говорили, что у вас есть пословица: «Ветер в поле не поймать».

— Лови ветра в поле, — поправил князь. Но смысл был тот же. Владимир и сам понимал, что разыскать в многолюдном Киеве того, кто мог сразить стрелой несчастного священнослужителя, по сути невозможно.

Епископ Иаков широко перекрестился — все последовали его примеру, — а потом сказал:

— Теперь вы сами видите, высочайший Владимир, что ваш народ, некрещеный и не обученный истинной вере, будет творить зло христианам. Пока вы не подчините своих людей, пока будете... прельщать их, как вы сказали, нам опасно оставлять тут порфирогениту и ее слуг.

«Ну, Анне-то ничего не грозит, я за нее и град сожгу», — подумал Владимир. И вдруг заявил:

— Клянусь своей душой, что и пары седмиц¹ не минует, как я крещу каждого, кто ходит под моей рукой, — будь то воин, смерд или мастеровой с Подола. Даю вам мое княжеское слово в том!

— Ну, это ты зря им такое пообещал, сестрич², — сказал позже Добрыня, когда они вечером сидели в светлице терема у раскрытого окошка. — Слыханное ли дело, крестить толпу, когда у многих того и на уме еще нет.

— Я слово дал, — угрюмо произнес князь. А потом стукнул кулаком по оконному наличнику. — Я подчинил весь Киев, когда брал эту землю, и никто даже пикнуть против моей воли не посмел! Неужто теперь, будучи в такой силе, я не смогу загнать киевлян в воду да крестить по своей воле?

Добрыня перестал играть рукоятью ножа, замер на миг, о чем-то размышляя, а потом усмехнулся.

— А ведь это хорошая мысль — согнать народ к реке и отдать всем скопом под волю Иисуса Христа. Подобное наверняка произведет впечатление. Однако и сопротивляться многие будут. И чем яростнее, тем больше потом станут выказывать свое недовольство ромеи.

¹ Седмица — неделя.

² Сестрич — племянник, сын сестры. Матерью князя Владимира была сестра Добрыни Малуша, с которой сошелся князь Святослав, отец Владимира.

Владимир молчал, дышал бурно.

— Придумай что-нибудь, Добрыня. Ты всегда мог найти выход там, где его даже не было.

В голосе великого князя неожиданно прозвучали почти молящие интонации. Как в те времена, когда он был совсем юнцом и во всем полагался на силу и смекалку верного дядьки. Добрыня даже удивленно выгнул брови: давно он не слышал такой мольбы от вошедшего в силу самоуверенного сестрича. Ну да Владимир — сокол, когда битв и походов касается, тут у него умение не хуже, чем у его родителя Святослава. А вот когда дела непростые государственные возникают, бывает, что он теряет ся. Как, к примеру, сейчас, когда к дядьке своему с просьбой обратился. Ну как тут отказать?

И Добрыня сперва поведал, что недаром по его приказу всех волхвов в округе схватили и отправили подальше — держат в заточении в пещерах, какие исстари зовутся Варяжскими. Сделано это для того, чтобы служители старых богов не мучили народ, не настраивали против христиан, не грозили карами от бывших небожителей. И если не будет в толпе истовых почитателей Перуна и других покровителей, остальные не сильно и противоречить станут, опасаясь гнев властей на себя накликать. Хотя... Нашлись же такие, кто попа ромейского сгубил, не побоялся. Но сделано это было тайно, исподтишка. Значит, особой силы за ними нет. Зато сила есть у князя и его дружины, в которой, почитай, все уже крестившиеся.

И если дружинники выйдут в назначенный день в полном вооружении да начнут теснить простой люд к реке, кто посмеет бузу устроить? Сдержались же киевляне, когда идола Перуна катили по Боричеву увозу к реке. Ну порыдали, попричитали, тем все и кончилось.

Но одно дело — силу показать, а другое — милость. А потому не мешало бы выбранный для крещения день

сделать праздничным. Пусть глашатаи кричат на каждом лобном месте, что гуляние великое для крещеных состоится, что одарят их из княжеской казны в честь принятия новой веры. И пусть не поскупится князь Владимир, который, впрочем, никогда не был в скупости уличен, — о том сейчас по всей Руси весть идет и песни поют.

— Да разве я когда жалел что-то для людей своих!.. — даже привстал с места князь, улыбнулся.

Но Добрыня был сосредоточен. Сказал, что надо, чтобы все дни до срока крещения священнослужители рассказывали людям о новой вере, учили их, а то и выгоду поясняли. Пусть втолкуют, что быть под защитой единого Бога — это как оказаться под рукой сильного князя-защитника. Да и вообще вселюдное крещение — это и праздник, и развлечение для людей. А еще пусть пояснят, что после того, как крестились, старые боги им уже не будут покровителями, а значит, надо верность новой вере хранить. И тогда добрый Христос их защитит.

— Еще важно, чтобы кто-то собой пример явил, первым вступив в воду для крещения, — добавил, поразмыслив, Добрыня. — Кто-то почитаемый во граде и окрестностях. Вон тот же боярин Блуд говорил мне, что готов со своим семейством при всем честном народе провести обряд крещения в водах. А как увидят люди, что Блуд с родней и челядинцами с готовностью идет принимать новую веру, то и потянутся следом.

— Блуда в Киеве не больно жалуют, — пощипывая бородку, молвил князь.

Боярин Блуд еще при отце его князе Святославе возвысился, потом и Ярополку служил. А как пришел Владимир, то сразу к нему переметнулся. Правда, о его измене Ярополку изначально мало кто ведал. Блуд вроде

как при прежнем князе остался, но именно он уговорил его покинуть Киев и перебраться в более южную крепость Родню. Родня хоть и невелика, но насыпи там высокие, тын крепкий, с ходу захватить трудно. Однако Владимир не стал захватывать эту крепость. Просто окружил своим войском и держал в осаде, что привело к страшному голоду в Родне. Люди даже говорили: «Беда, как в Родне».

Тогда Блуд опять помог Владимиру: он убедил Ярополка встретиться с братом Владимиром и переговорить обо всем. Когда же ворота открыли, туда первыми зашли наемники-варяги, которые сразу ворвались в княжий терем, а Блуд даже захлопнул за ними створки дверей, чтобы никто не смог оказать помощь оставшемуся внутри Ярополку. Так что когда Владимир прибыл в Родню, все было кончено. Блуд тогда первый сказал, что теперь у Владимира нет более противника, и указал на окровавленное тело его брата.

Владимир после этого возвысил оказавшего ему помощь Блуда. А вот в Киеве того невзлюбили. Не так дорог был киевлянам Ярополк, как само предательство вызвало неприязнь к боярину. И пусть при дворе Владимира Блуд отныне и был в чести, а все же молва о нем в народе шла недобрая.

— Не пойдут люди за Блудом, — помолчав, повторил князь. — Не люб он им.

— Ну тогда пусть Дольма окрестится. Этого в Киеве почитают.

— Да он же и так христианин, причем давно, — удивленно заметил Владимир.

Добрыня лишь хмыкнул. Откинулся на бревенчатую стену, улыбнулся.

— Что с того, что Дольма христианин, если семья его и ближники все некрещеные. Пускай он первый и вый-

дет, являя пример, да поведет за собой родню на обряд. Поверь, Владимир, Дольма не станет отказывать тебе в такой услуге. И уж если этот любимец киевский покажет, что делов-то всего ничего, то многие ему подражать начнут. Даже если тот же Блуд на крещение выйдет, люди не за ним, а за Дольмой пойдут, я уверен.

Владимир глубоко вздохнул. Смотрел в окошко. С высокого терема было видно, как золотятся в закатных лучах заднепровские дали, как привольно течет река, огибая острова с кудрявыми зарослями. Под самой Горой еще шумел Подол, мерцал множеством огней, ясно вспыхивали алым отсветом заката петушки на крышах богатых дворов. Сверчки вечерние уже начали стрекотать, собаки вдали взирали, девичий смех доносился. Но скоро все стихнет, люди начнут укладываться, еще не зная, что судьба их — будущих христиан — уже пред-
решена.

Князь смотрел на свой город, а думы его были лишь об одном человеке, о Дольме, прозванном в Киеве соляным купцом. Происходил этот Дольма Колояров сын из старого киевского рода, даром что его прадед был варягом, пришедшим сюда с севера вместе с Олегом Вещим. Потом варяг этот женился на киевлянке, тут потомки его родились, тот же Дольма, любимец киевский.

Дольма всегда был приветливым и щедрым с местным людом. Он скупал мед по окрестным землям, отвозил его на юга, до самого Корсуня Таврического, где продавал ромеям, а оттуда его ладьи возвращались в Киев нагруженные солью. Соль в этих краях всегда пользовалась спросом, Дольма же цену не ломил, его богатств хватало, чтобы быть милостивым и не драть в три шкуры. И хотя сам по себе Дольма был не очень общителен, но на положенных пирах-сходках купеческих всегда щедро выставлялся и был внимателен к старостам городских

концов¹, к почтенным старым боярам. Так что, даже будучи христианином, Дольма пользовался расположением киевского люда. Да и собой соляной купец был хорош, а жена его вообще слыла первой красавицей во граде. Брат младший его Радомил — или Радко, как все называли, — слыл известным бузотером, однако и его люди любили за удаль и незлобивый нрав. Про старшего же брата Дольмы Вышебора всякое поговаривали — и недобрый он, и в походах лютовал. Ну так то в походах, не у себя же во граде. После того как Вышебор покалечился в схватке с дикими вятичами, слухи о нем вообще сошли на нет. О Дольме же всегда говорили с почтением, считали его честным торговцем, даже не пеняли, что он открыто посещал христианскую церковь Святого Ильи на Подоле.

— Ладно, — произнес Владимир. — Пусть все готовятся ко дню крещения. И будет великое гуляние в этот день. Добрыня поднялся, оправил пояс.

— Добро. С Дольмой я сам поговорю. Не откажет же он мне.

На том и порешили.

¹ Городские концы — отдельные районы, обладавшие собственным административным правом.

Літературно-художнє видання

ВІЛАР Симона

Того дня...

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 21.10.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 21. Наклад 12000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ВИЛАР Симона

В тот день...

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 21.10.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 21. Тираж 12000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

- за телефонами довідкової служби (050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life); (067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88
 - на сайті Клубу: www.bookclub.ua
 - у мережі фірмових магазинів див. адреси на сайті Клубу або за QR-кодом
- Надсилається безоплатний каталог**

**Для гуртових
клієнтів**

Харків

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Запрошуємо до співпраці авторів

e-mail: publish@ksd.ua

988 рік. Князь Володимир готується до великого хрещення Київської Русі. Через побоювання бунту він замикає в підземеллях волхвів, поган, що налаштовують народ проти християнської віри. Тепер нічого не завадить хрещенню. Але в день обряду, у священну мить входження в річку, гине купець Дольма. Веселощі й захват мало не обертаються на жах і паніку. Добрині та його ближникам вдається заспокоїти народ і провадити хрещення далі. Розлучений Володимир наказує відшукати вбивцю християнина Дольми. Це до снаги лише одній людині в Києві — волхву Озару. Але чи перейметься закоренілий поганин смертю купця, який відрікся від віри прашчурів? Він хоче дізнатися правду, від якої потьмяніють навіть лики святих...

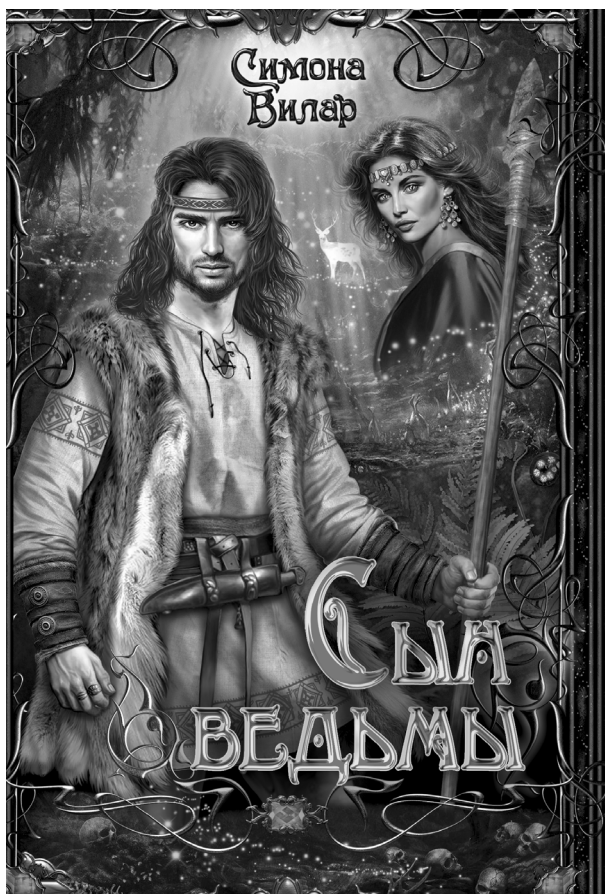
Вилар С.

В44 В тот день... : роман / Симона Вилар. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 400 с.

ISBN 978-617-12-8322-0

988 год. Князь Владимир готовится к великому крещению Киевской Руси. Опасаясь бунта, он запирает в подземельях волхвов, язычников, настраивающих народ против христианской веры. Теперь никто не помешает крещению. Но в день обряда, в священный момент вхождения в реку, гибнет купец Дольма. Веселье и восторг едва не оборачиваются ужасом и паникой. Добрыне и его ближникам удается успокоить народ и продолжить крещение. Разъяренный Владимир приказывает отыскать убийцу христианина Дольмы. Это под силу лишь одному человеку в Киеве — волхву Озару. Но какое дело закоренелому язычнику до смерти купца, отрекшегося от веры предков? Он хочет узнать правду, от которой померкнут даже лики святих...

УДК 821.161.1(477)

Князь Владимир Киевский отправил посадником в Новгород своего родича Добрыню. Но ненависть и пламя встречают Добрыню. Некто темный и могущественный наслал на жителей края морок, дабы те, и себя не помня, жестоко противились новой вере — христианству. Постепенно Добрыня начинает понимать, что колдовство наслала его мать, могущественная ведьма Малфрида. Она исчезла, когда Добрыня был еще ребенком... Судьба сводит новгородского посадника с молодым священником Савой, который не помнит своего прошлого, но которому откуда-то ведомо имя Малфриды. И ее следы ведут в дикие леса язычников вятичей. Туда, где свирепствует ужасный Яшер — темное древнее зло. Однако в этих лесах есть нечто более опасное. Страшный враг, которого боится даже могущественная ведьма Малфрида. И нет от него спасения...